

### 5.2.3. РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА (ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 332.1; 338.49

DOI: 10.53914/issn2071-2243\_2025\_2\_120

EDN: NNISSL

#### Особенности сельской пространственной трансформации

Ирина Николаевна Меренкова<sup>1✉</sup>

<sup>1</sup> Научно-исследовательский институт экономики и организации агропромышленного комплекса Центрально-Черноземного района – филиал ФГБНУ «Воронежский федеральный аграрный научный центр имени В.В. Докучаева», Воронеж, Россия

<sup>1</sup> upr-nii@yandex.ru<sup>✉</sup>

**Аннотация.** Происходящие пространственные трансформации в России в большей степени проявляются в сельском пространстве, нарушая его целостность и углубляя процессы неоднородности и несбалансированности сельских территорий (СТ). Усиление тенденций сжатия и поляризации пространства в основном касаются населения, сельского хозяйства, землепользования и инфраструктуры, создавая принципиально новые условия развития сельских территорий и измененную пространственную конфигурацию сельской местности. Наряду с этим происходит усиление неравномерности в системе «центр – периферия», что проявляется в укреплении городов как центров социально-экономической жизни, а за городскими центрами продолжается процесс «затухания» экономической и культурной жизни. В этой связи возрастает актуальность выявления особенностей сельской пространственной трансформации для управления СТ как пространственными образованиями. В процессе исследования доказано, что сельскому экономическому пространству свойственны процессы расширения или сжатия («сжатие-сближение» и «сжатие-стягивание»). Процессы «хозяйственного сжатия», более характерные для сельской местности, рассмотрены через основные шесть моделей, каждая из которых характеризует специфику пространственно-экономических изменений в экономике сельского пространства. Обосновано, что пространственная трансформация СТ оказывает существенное влияние и на преобразование экономических интересов (удовлетворение материальных и духовных потребностей селян). В данном ключе разработана концептуальная модель, раскрывающая взаимосвязь трансформации пространства СТ и экономических интересов населения, отражающая совокупность классифицирующих, комплементарных и конституирующих признаков. Реализация модели позволит устранить диспропорции в территориальном воспроизводстве и пространственной организации сельских территорий, а также управлять процессами трансформации интересов сельских жителей за счет учета особенностей преобразования сельского пространства.

**Ключевые слова:** пространство, сельские территории, трансформация пространства, «сжатие» сельского пространства, модели, экономические интересы

**Для цитирования:** Меренкова И.Н. Особенности сельской пространственной трансформации // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2025. Т. 18, № 2(85). С. 120–128. [https://doi.org/10.53914/issn2071-2243\\_2025\\_2\\_120-128](https://doi.org/10.53914/issn2071-2243_2025_2_120-128).

### 5.2.3. REGIONAL AND SECTORAL ECONOMICS (ECONOMIC SCIENCES)

Original article

#### Features of rural spatial transformation

Irina N. Merenkova<sup>1✉</sup>

<sup>1</sup> Research Institute of Economics and Organization of Agro-Industrial Complex of the Central Chernozem Region – Branch of Voronezh Federal Agricultural Scientific Centre named after V.V. Dokuchaev, Voronezh, Russia

<sup>1</sup> upr-nii@yandex.ru<sup>✉</sup>

**Abstract.** The spatial transformations taking place in Russia are especially evident in rural space, violating its integrity and deepening the processes of heterogeneity and imbalance of rural territories. The increasing trends of compression and polarization of space mainly concern the population, agriculture, land use and infrastructure, creating fundamentally new conditions for the development of rural areas and changing the spatial configuration of rural areas. Along with this, there is an increase in unevenness in the center-periphery system, manifested in the strengthening of cities as centers of socio-economic life, and the process of “extinguishing” of economic and cultural life is still ongoing beyond the bounds of urban centers. In this regard, the relevance of determining the features of spatial transformation of rural territories for the management of rural territories as spatial entities is increasing. In the course of investigation, it was proved that the processes of expansion or compression

(“compression-convergence” and “compression-contraction”) are characteristic of the rural economic space. The processes of “economic compression”, more typical for rural areas, were investigated using six main models, each of which characterizes the specifics of spatial and economic changes in the economy of rural space. It is proved that the spatial transformation of rural areas has a significant impact on the transformation of economic interests (satisfaction of the material and spiritual needs of rural residents). Along these lines, a conceptual model was developed that reveals the relationship between the transformation of rural areas and the economic interests of the population, reflecting a set of classifying, complementary and constitutive features. The implementation of the model will eliminate imbalances in the territorial reproduction and spatial organization of rural areas, as well as manage the processes of transformation of the interests of rural residents, taking into account the peculiarities of the transformation of rural space.

**Key words:** space, rural territories, transformation of space, “compression” of rural space, models, economic interests

**For citation:** Merenkova I.N. Features of rural spatial transformation. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Vestnik of Voronezh State Agrarian University*. 2025;18(2):120-128. (In Russ.). [https://doi.org/10.53914/issn2071-2243\\_2025\\_2\\_120-128](https://doi.org/10.53914/issn2071-2243_2025_2_120-128).

**В** условиях недостаточной экономической плотности и инфраструктурной связанности пространства России процесс стихийной самоорганизации экономики под действием центростремительных сил привел к стягиванию экономической активности и населения в наиболее благоприятные для жизни и жизнедеятельности территории. В то же время проявляющиеся тенденции трансформации сельского пространства, обусловленные его сжатием и обезлюдением в неблагоприятных геополитических условиях, создают угрозу не только самим сельским территориям, но и национальной безопасности страны.

Специфика современных трансформационных процессов в пространстве сельских территорий демонстрирует остроту социальных последствий и их противоречивость: повышение уровня безработицы, усиление миграционных потоков, появление новых видов деловой и рабочей миграции, ориентация на новые ценности трудоспособного экономически активного населения, сокращение трудового потенциала сельской периферии за пределами агломераций, поляризация пространства и человеческого капитала, деформация опорного каркаса территории, изменение возрастного состава и воспроизводства населения.

Для решения обозначенных выше проблем необходимо не только раскрыть сущность пространственных трансформаций, но и определить особенности их проявления в сельской местности, которые приводят к возникновению негативных тенденций. В данном ключе, опираясь на научные представления и знания о процессах трансформации социально-экономических систем, можно сделать вывод, что существующие в настоящее время модели трансформационных состояний, научные подходы и принципы в основном базируются на теориях, сменяющихся в процессе эволюции одна другой, что влияет на интенсивность, последовательность и результативность преобразований всей системы с особыми для нее технологическими изменениями. Теории (переходной экономики, трансформаций капитализма, экономических трансформаций, патоэкономики, циклов, кризисов и катастроф), описывающие происходящие незначительные или революционные преобразования, связаны с переходом к качественно новому этапу развития социально-экономической системы [5].

Раскрывая сущность категории «пространственная трансформация», с одной стороны, подчеркнем многогранность ее толкования в трудах ученых-экономистов [2, 4, 11, 12], а с другой – отметим, что большинство авторов в своих разработках делают упор на национальный или региональный уровни. В то же время вопросы трансформации сельских территорий, которые являются сложноорганизованным и многофункциональным элементом экономического пространства регионов, в исследованиях ученых пока недостаточно проработаны, поэтому сначала остановимся на сельской специфике пространственного аспекта для лучшего понимания сельской трансформации.

Для сельского экономического пространства характерны процессы расширения или процессы сжатия (сужения), в связи с чем выделяют два его вида: «сжатие-сближение» и «сжатие-стягивание» [1, 8, 9, 13]. Сжатие-сближение (коммуникационное сжатие) характеризуется ростом проницаемости, доступности и связанности пространства, в результате чего происходит сокращение времени и пути (для сельского населения и продукции их хозяйственной деятельности) за счет появления современных видов транспорта, информационных технологий и др. Сжатие-стягивание определяет «активность» пространства в процессе социально-экономических преобразований, приводящих к его поляризации (с одной стороны урбанизация, а с другой – «опустынивание»), вплоть до физического уменьшения площади заселенных и освоенных территорий, что сопровождается обезлюдением сельской местности и сокращением интенсивности ее хозяйственного использования.

Процессы «хозяйственного сжатия» экономики сельского пространства изучены через основные модели, количество которых варьируется от двух до десяти, причем каждая из них не исключает другие. На основе научных трудов ученых, рассмотренных выше, отметим Нефедову Т.Г. и ее работу «Поляризация городов и сельской местности и расширение Российской периферии», в которой выделено пять основных зон с разным характером освоения сельской территории и долей внешней и внутренней периферии, а также шесть моделей пространственно-экономического сжатия, суть которых изложена ниже [7].

Первая модель является чисто сельскохозяйственной, связана с наличием и функционированием аграрных предприятий (даже если они убыточны) как основного места работы сельских жителей и селообразующей структуры для минимального жизнеобеспечения населения и частичного оказания ему помощи в ведении личного подсобного хозяйства. Данная модель неэффективна в силу потери стабильности и устойчивости, имеет четко выраженный локальный характер и нуждается в помощи государства (в большей степени социального характера).

Вторая модель также базируется на развитии аграрной отрасли экономики в сельских поселениях, которые привлекают мигрантов и не имеют значительной депопуляции населения. Но, в отличие от первой, она более устойчива из-за развития частного сектора, который, привлекая человеческий капитал, включается во взаимосвязи с другими субъектами экономических отношений, выходя за пределы своих территорий. Аграрный бизнес за счет реосвоения части заброшенных земель расширяется и, как следствие, активизируется с выходом на рынки сбыта произведенной продукции.

Третья модель ориентирована на многофункциональное развитие сельской экономики, что связано с изменением ее специализации и освоением новых видов деятельности. Экономическая активность, основанная на использовании земли и недр (сельское и лесное хозяйство, добывающая промышленность), приводит к образованию новых сфер деятельности и занятости (промышленность, строительство, лесное хозяйство, народные промыслы и ремесленное производство, туризм, заготовка и переработка дикоросов и др.). В то же время переход к диверсифицированной экономике возможен при наличии реально трудоспособного сельского населения и необходимой инфраструктурной обустроенности.

Четвертая модель больше относится к сельской местности, которая наряду с традиционной формой хозяйствования имеет культурно-историческое наследие или особо живописные природные и достопримечательных места. Из-за слабо развитой экономической деятельности необходима инвестиционная поддержка для сохранения производственного потенциала и антропогенных ландшафтов.

Для пятой модели характерно отсутствие трудоспособного населения, и в сельской местности практически проживает (доживает) сельское население преклонного возврата. Хозяйственная деятельность практически отсутствует или имеет слабовыраженный очаговый характер, взаимосвязи друг с другом основаны на реципрокности. Поэтому проживающие в практически депопулировавшей местности селяне требуют особого к себе отношения, заботы и обслуживания: автолавки с продуктами, доступная медицинская помощь, необходимый и регулярный транспорт и др.

Шестую модель можно считать «дачным» развитием, которую в настоящее время недооценивают, но которая постепенно набирает темпы. Благодаря массовой сезонной дачной субурбанизации, на селе строится или покупается жилье, создается спрос на местную агропродукцию, на услуги по ремонту и строительству домов, при этом формируется новая социальная среда, что создает определенные стимулы в депопулировавших селах для местного населения.

Происходящая поляризация сельского пространства из-за длительного стягивания активной деятельности в небольшие ареалы экономической деятельности привела к расширению периферийных районов (каждый пятый селянин проживает в них), и представленные выше модели «хозяйственного сжатия» еще раз подтверждают необходимость действенной политики на федеральном и региональном уровнях при решении данной проблемы.

Обобщая вышесказанное, отметим, что сжатие пространства сельских территорий в основном касается населения (уменьшение численности и усиление концентрации; депопуляция, вызвавшая изменения в половой и особенно возрастной структуре), сельского хозяйства (смещение сельскохозяйственного производства из-за сокращения рабочих мест и стабильных доходов в более заселенные и экономически развитые сельские территории) и землепользования (исчезновение из оборота в первую очередь удаленных и малопродуктивных земель).

Все обозначенные проблемы, приводящие к сжатию пространства, связаны в меньшей степени с естественной убылью населения, а в большей – с миграцией, имеющей в последние годы интенсивный центростремительный характер, обусловленный значительной разницей в условиях труда и оплаты, стигматизацией сельскохозяйственного труда у молодежи, сложностью и ограниченностью карьерного роста, что влияет на систему расселения. Происходит увеличение количества малых и пустующих сельских населенных пунктов при небольшом росте числа крупных, что приводит к обезлюдению сел, поляризации пространства и его сжатию. Сельские жители перемещаются преимущественно в крупные сельские поселения, благополучные по совокупности условий проживания, но сеть их не велика, поэтому в условиях недостаточной транспортной доступности проявляется низкая связанность поселений.

Наряду с этим наблюдаются серьезные изменения в формировании пространственной инфраструктурной системы на селе. Одновременно с «оптимизацией» сети общеобразовательных школ и ликвидацией ФАПов, больниц, нерентабельных магазинов и различных учреждений культуры, налоговых и других структур происходит ухудшение качества и разрушение дорог, сокращение количества необходимых маршрутов, что также влияет на сжатие сельского пространства, в результате чего изменяется его форма с образованием отдельных ареалов, разобщенных обширными социально-демографическими провалами [10].

Повсеместно отмечается усиление неравномерности в системе «центр-периферия» и несбалансированность развития городских и сельских территорий, которая проявляется в укреплении городов как центров социально-экономической жизни, а вторых – как пе-

риферии, где продолжается процесс «затухания» экономической и культурной жизни. Причиной такой закономерности является прежде всего сильная связь сельской местности с аграрным сектором экономики, а затем уже ослабление производственно-экономических, социальных и других взаимодействий между городом и селом.

Приблизительно с 1990-х идет процесс стягивания сельскохозяйственной деятельности к городам и снижение почти в 4 раза размеров лесозаготовок, которые сжимались к освоенной зоне. Продуктивность сельскохозяйственного производства росла в южных зерновых районах страны и пригородах при одновременном забрасывании земель или пассивном их использовании. Исходя из этого, можно сделать вывод, что, с одной стороны, происходит постепенное сжатие сельского и лесного хозяйств за счет деконцентрации производств и их исчезновения, а с другой – наблюдается трансформация посредством концентрации производства в виде крупных агропромышленных образований.

Для развития сельского хозяйства необходимы как естественные параметры (особенно плодородие почв), так и экономико-географические (транспортная доступность и территориальная близость к городу, перерабатывающие предприятия, инвестиционный потенциал, наличие рынков сбыта). Если данные потребности удовлетворяются, то происходит притяжение сельскохозяйственного производства к городам (несмотря на дорожающую пригородную землю). Увеличение концентрации сельского хозяйства вокруг городов и их пригородов приводит к сокращению посевных площадей в периферийных территориях и усилению их деградации, хотя пригородное агропроизводство более интенсифицировано и его продуктивность в разы выше, чем на периферии.

Трансформация пространства сельских территорий повлияла и на сельскохозяйственное землепользование, которое также характеризуется сжатием, что больше всего проявляется на периферии, где наряду с сокращением численности сельского населения одновременно увеличивается и площадь необрабатываемых сельскохозяйственных угодий. Несмотря на оказываемую в дореформенный период государством достаточно серьезную поддержку агропромышленного комплекса и особенно малоэффективного сельского хозяйства (инвестиции, мелиорация, минеральные удобрения и др.), сельские территории потеряли значительное количество сельского населения. Так, с 1960 по 1990 г. на фоне снижения практически вдвое численности проживающего в сельской местности населения, размеры посевных площадей практически остались на уровне советского варианта организации хозяйствования. Советский вариант организации хозяйствования в сельской местности практически оказался недееспособным, и частные хозяйства уже не возникали в таком количестве из-за истощения трудового потенциала в результате длительной депопуляции.

Однако период с 1990 по 2010 г. ознаменовался изменением соотношения динамики численности сельского населения и посевных площадей (исключение из оборота земель опережали снижение сельского населения). После 2010 г. в результате структурной перестройки аграрного сектора экономики и после длительного сжатия сельскохозяйственного землепользования к пригородам областных или крупных районных центров началось частичное возвращение земель в оборот, только в обратном направлении – не от староосвоенных очагов с более благоприятными природными предпосылками, а к этим очагам. Интересная закономерность при сжатии землепользования касается пригородно-периферийных различий. Если наибольшее выбытие земель из оборота характерно для удаленных районов, то в отличие от плотности населения современное распределение посевной площади и ее доля в сельских территориях на муниципальном уровне имеет более сглаженный характер в системе «центр-периферия».

К сожалению, огромная протяженность России со значительным количеством сельских муниципальных образований и запутанная земельная статистика не дают полной возможности понять конкретное изменение использования земель и расселения населения. Более достоверную картину дают данные дистанционного зондирования на основе дешифрирования космических снимков, подтверждающие фактическое расхождение со статистическими данными - завышение площади пашни и естественных кормовых угодий и занижение площади лесных угодий, которые увеличиваются в последние десятилетия из-за зарастания древесной растительностью заброшенных сельскохозяйственных земель, что подтверждают и другие исследования [6].

Следует отметить, что происходящие в настоящее время изменения в мировой системе хозяйствования, а также в экономике сельских территорий оказывают существенное влияние и на процессы трансформации системы экономических интересов, вследствие чего наблюдаются содержательные изменения экономических потребностей населения (эффективность их удовлетворения) и экономических функций основных субъектов системы интересов.

Воздействие мировых процессов на объективные социально-экономические факторы системы экономических интересов России, с одной стороны, усиливает действующие, а с другой – создает новые противоречия системы интересов, что выражается в следующих основных направлениях:

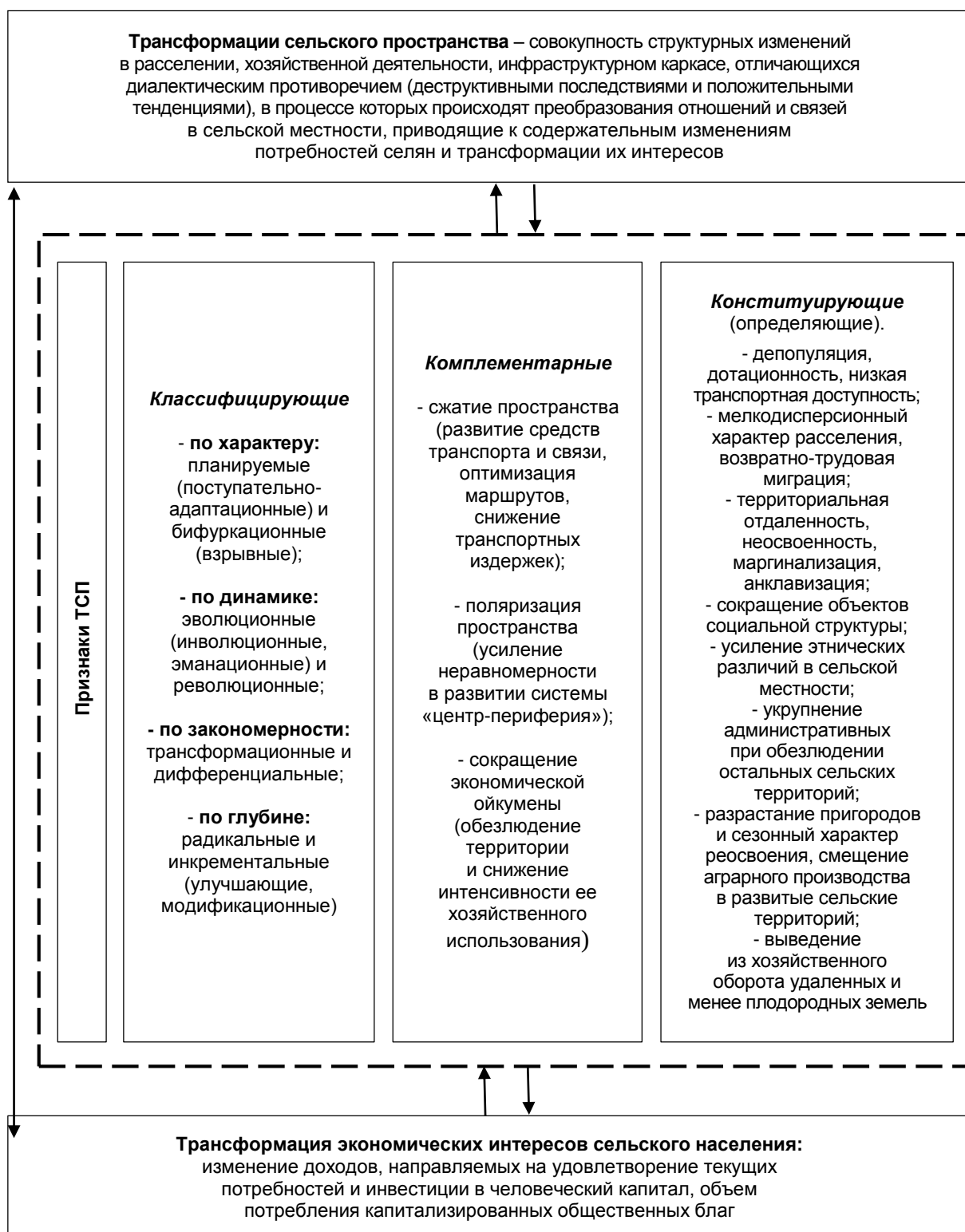
- трансформация личных экономических интересов за счет изменения экономических потребностей населения и роста производительных сил;
- трансформация экономических ролей и функций субъектов системы экономических интересов.

Первое направление связано с переходом к такому новому социально-экономическому явлению, как общество потребления, где материальные потребности сельского населения ставятся во «главу угла» (потребление количественно превосходит необходимый уровень потребностей), а нематериальные потребности (нравственные, духовные и др.) практически не имеют никакого значения и зачастую отрицаются. Другими словами, трансформация личных интересов и их иррациональность, где основным направлением развития становятся материальные блага, довлеющие над людьми, приводит к дисфункции, проявляющейся в том, что социально-экономические интересы в результате их реализации сводятся практически к индивидуальным интересам, вследствие чего постепенно преобразовывается и вся система интересов.

Второе направление отражает процесс изменения (перераспределение) ролей (экономическое поведение носителя интереса по отношению к системе) и функций (экономическая деятельность носителя интереса системы). В данном случае акцент сделан на институализацию отношений собственности и социально-экономических отношений. «Носителями частного экономического интереса становятся различного рода институты (коллективные, государственные, общественные), а также и структуры типа ассоциаций» [3].

Принимая во внимание вышеизложенное, под сельской пространственной трансформацией следует понимать многоплановый процесс, охватывающий не только структурные сдвиги в расселении, экономике, социальной среде, но и трансформацию экономических интересов за счет изменения материальных и духовных потребностей селян.

На основании данного определения и с учетом сущностной интерпретации трансформации пространства сельских территорий нами представлена концептуальная модель трансформации сельского пространства (ТСП), обусловленная как спецификой сельских пространственных преобразований, так и трансформацией интересов сельского населения (см. рис.).



**Концептуальная модель трансформации сельского пространства (ТСП)**

Источник: составлено автором.

Предлагаемая модель построена на понимании особенностей трансформации сельского пространства как совокупности структурных изменений в расселении, хозяйственной деятельности, инфраструктурном каркасе, отличающихся диалектическим противоречием (деструктивными последствиями и положительными тенденциями), в процессе которых происходят преобразования отношений и связей в сельской местности, приводящие к содержательным изменениям потребностей селян и трансформации их интересов.

Концептуальная модель по своему содержанию отражает системные аспекты трансформации пространства сельских территорий через основные признаки: классифицирующие (характер, динамика, закономерности и глубина трансформационных процессов), комплементарные (имплозия пространства, поляризация пространства, сокращение экономической ойкумены) и конституирующие (депопуляция, дотационность, низкая транспортная доступность; мелкодисперсионный характер расселения, возвратно-трудовая сельская миграция; территориальная отдаленность, неосвоенность, маргинализация, анклавизация; сокращение объектов социальной структуры; усиление этнических различий в сельской местности; укрупнение административных единиц при обезлюдении остальных СТ; разрастание пригородов и сезонный характер реосвоения; смещение аграрного производства в развитые СТ; выведение из хозяйственного оборота удаленных и менее плодородных земель).

Реализация представленной модели позволит устранить диспропорции в территориальном воспроизводстве и пространственной организации сельских территорий, а также управлять процессами трансформации интересов сельских жителей за счет учета особенностей преобразования сельского пространства.

Для минимизации негативных последствий и увеличения положительных эффектов в процессе сельских пространственных трансформаций необходимы разработка стратегий и программ, обеспечивающих осуществление государственной политики в области сельского развития с учетом особенностей территорий; программы развития сельского экономического пространства и выравнивания условий жизнедеятельности на отдельных территориях; разработка и реализация различных проектов, в том числе и инфраструктурных по повышению связности экономического пространства и доступности общественных благ; реализация мероприятий по совершенствованию организации сельских территорий на основе формирования сельских агломераций и опорных населенных пунктов. Перечисленные направления позволят обеспечить желаемый ход трансформации и эффективное управление социально-экономическими преобразованиями, ориентируемые на достижение стратегических целей развития сельских территорий, в том числе и улучшение качества жизни сельского населения.

---

**Список источников**

1. Безруков Л.А. Сжатие пространства: мифы и реальность // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования: материалы XXVII ежегодной сессии экономико-географической секции Международной академии регионального развития и сотрудничества (МАРС). Москва: Эслан, 2010. Т. 27. С. 32–48.
2. Большой экономический словарь; под ред. А.Н. Азрилияна. Москва: Институт новой экономики, 2010. 1475 с.
3. Булганина С.Н. Природа и структура экономических субъектов: монография. Оренбург: ГОУ ВПО Оренбургский ГУ, 2003. 340 с.
4. Зоидов К.Х. Экономическая эволюция и эволюционная экономика. Москва: ИПР РАН, 2003. 156 с.
5. Ивлева Г. Трансформация экономической системы: обзор концепций и контуры общей теории // Общество и экономика. 2003. № 10. С. 3–40.
6. Медведев А.А., Тельнова Н.О., Кудиков А.В. Дистанционный высокодетальный мониторинг динамики зарастания заброшенных сельскохозяйственных земель лесной растительностью // Вопросы лесной науки. 2019. Т. 2, № 3. С. 1–12. DOI: 10.31509/2658-607X-2019-2-3-1-12.
7. Нефедова Т.Г. Поляризация городов и сельской местности и расширение Российской периферии // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период: коллективная монография. Москва: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2011. С. 280–299.
8. Нефедова Т.Г. Сжатие внегородского освоенного пространства России – реальность, а не иллюзия // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования: материалы XXVII ежегодной сессии экономико-географической секции Международной академии регионального развития и сотрудничества (МАРС). Москва: Эслан, 2010. Т. 27. С. 128–145.
9. Нефедова Т.Г., Тревиш А.И. Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 2. С. 31–53. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11138.

10. Новикова И.И. Пространственная асимметрия в инфраструктурной обеспеченности неурбанизированных территорий Российской Федерации // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2023. № 9. С. 57–63. DOI: 10.31442/0235-2494-2023-0-9-57-63.
11. Платонова Е. Экономические системы и их трансформация // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 7. С. 30–40. DOI: 10.20542/0131-2227-1998-7-30-40.
12. Суспицын С.А. Развитие методов измерения пространственных трансформаций экономики // Регион: экономика и социология. 2007. № 4. С. 3–18.
13. Трейвиш А.И. «Сжатие» пространства: трактовки и модели // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования: материалы XXVII ежегодной сессии экономико-географической секции Международной академии регионального развития и сотрудничества (МАРС). Москва: Эслан, 2010. Т. 27. С. 16–31.

## References

1. Bezrukov L.A. Compression of space: myths and reality. In: Compression of Socio-Economic Space: New in the Theory of Regional Development and Practice of its State Regulation: Proceedings of the XXVII Annual Session of the Economic and Geographical Section of the International Academy of Regional Development and Cooperation. Moscow: Eslan Publishers. 2010;27:32-48 (In Russ.).
2. Great Economic Dictionary; edited by A.N. Azriliyan. Moscow: Institute of New Economics; 2010. 1475 p. (In Russ.).
3. Bulganina S.N. The nature and structure of economic entities: monograph. Orenburg: Orenburg State University Publishers; 2003. 340 p. (In Russ.).
4. Zoidov K.Kh. Economical evolution and evolutionary economics. Moscow: Market Economy Institute RAS Publishers; 2003. 156 p. (In Russ.).
5. Ivleva G. Transformation of economic system: Concepts' review and the outlines of general theory. *Society and Economy*. 2003;10:3-40. (In Russ.).
6. Medvedev A.A., Telnova N.O., Kudikov A.V. Highly detailed remote sensing monitoring of the dynamics of the overgrowth on abandoned agricultural lands. *Forest Science Issues*. 2019;2(3):1-12. DOI: 10.31509/2658-607X-2019-2-3-1-12 (In Russ.).
7. Nefedova T.G. Polarization of cities and rural areas and expansion of the Russian periphery. In: Regional Development and Regional Policy of Russia in the Transition Period: collective monograph. Moscow: Bauman Moscow State Technical University Publishers; 2011:280-299. (In Russ.).
8. Nefedova T.G. Shrinkage of the non-urban developed space of Russia is a reality, not an illusion. In: Compression of Socio-Economic Space: New in the Theory of Regional Development and Practice of its State Regulation: Proceedings of the XXVII Annual Session of the Economic and Geographical Section of the International Academy of Regional Development and Cooperation. Moscow: Eslan Publishers. 2010;27:128-145. (In Russ.).
9. Nefyodova T.G., Treyvish A.I. Polarization and shrinkage of active space in the core of Russia: trends, problems and possible solutions. *Demographic Review*. 2020;7(2):31-53. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11138. (In Russ.).
10. Novikova I.I. Spatial asymmetry in infrastructure security of non-urbanized territories of the Russian Federation. *Economy of agricultural and processing enterprises*. 2023;9:57-63. DOI: 10.31442/0235-2494-2023-0-9-57-63. (In Russ.).
11. Platonova E. Economic systems and their transformation. *World Economy and International Relations*. 1998;7:30-40. DOI: 10.20542/0131-2227-1998-7-30-40. (In Russ.).
12. Suspitsyn S.A. Development of methods for measuring spatial transformations of the economy. *Region: Economics and Sociology*. 2007;4:3-18. (In Russ.).
13. Trayvish A.I. "Compression" of space: interpretations and models. In: Compression of Socio-Economic Space: New in the Theory of Regional Development and Practice of its State Regulation: Proceedings of the XXVII Annual Session of the Economic and Geographical Section of the International Academy of Regional Development and Cooperation. Moscow: Eslan Publishers. 2010;27:16-31 (In Russ.).

## Информация об авторе

И.Н. Меренкова – доктор экономических наук, профессор, зав. отделом управления АПК и сельскими территориями Научно-исследовательского института экономики и организации агропромышленного комплекса Центрально-Черноземного района – филиала ФГБНУ «Воронежский федеральный аграрный научный центр имени В.В. Докучаева, upr-nii@yandex.ru.

## Information about the author

I.N. Merenkova, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Administration of the AIC and Rural Territories, Research Institute of Economics and Organization of Agro-Industrial Complex of the Central Chernozem Region – Branch of Voronezh Federal Agricultural Scientific Centre named after V.V. Dokuchaev, upr-nii@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 18.01.2025; одобрена после рецензирования 25.02.2025; принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted 18.01.2025; approved after reviewing 25.02.2025; accepted for publication 10.03.2025.

© Меренкова И.Н., 2025